

ПОРЯДОК

КНИГА 3

БОСС ВСЕХ БОССОВ

КРИМИНАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Artur De Stijn

18+

Artur Stin

Босс всех боссов

<https://litres.ru/74637462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пауло Альбини управляет двенадцатью кланами и готовит союз, которому станет тесно в границах одной страны. Пока самолёт несёт его на встречи с зарубежными боссами, он записывает историю своего восхождения.

Отнятый у семьи дом. Месть за мать. Тюрьма и предложение, за которое обещают свободу и требуют послушания. Теперь Пауло устанавливает правила — и всё труднее замечает цену, которую платят другие. Но у людей, помогавших ему подняться, остаются собственные планы. Сумеет ли босс всех боссов понять, где кончается его воля?

Криминальная повесть о власти, зависимости и самооправдании. Третья книга цикла «Порядок».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Правила игры	6
Глава 2. Старшие	11
Глава 3. Голос	15
Глава 4. Альденте	18
Глава 5. Двенадцать	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Artur de Stin

Босс всех боссов

Пролог

Пауло Альбини, босс всех боссов, давно привык распоряжаться чужими жизнями. Теперь собирался рассказать о своей.

Он чиркнул спичкой о подошву и прикурил кубинскую сигару. Несколько секунд смотрел, как пламя подбирается к пальцам, затем задул его. Дым потянулся к потолку.

Он отпил кофе и откинулся в кресле. За стеклом море набегало на белый пляж. Поросший зеленью склон врезался в воду; солнце клонилось к закату, и жара уступала мягкому теплу.

Ради этого вида он когда-то и выбрал место для дома. Особняк повторял очертания гранитного утёса, сливаясь со склоном. Внутри каждая комната напоминала один из любимых им природных ландшафтов.

В прохладном гроте по серо-зелёным стенам стекала вода. В другой комнате росли мхи, травы и цветы, а в центре цвела сакура. Кабинет походил на застеклённую террасу под кронами деревьев. Здесь Альбини любил наблюдать, как меняется свет над морем.

Поставив чашку, он включил лежавший на столе диктофон. Воспоминания теснились; хотелось наконец высказать их вслух.

Глава 1. Правила игры

В детстве я не думал, что стану главой организации с такими возможностями. Мафия славится строгими правилами и верностью традициям. Моё положение позволяет обходить и то и другое — и пользоваться благами, о которых рядовые члены могут только мечтать.

Неравенство я видел всегда. Старшие получают больше возможностей и доступа к ресурсам, а остальным объясняют, почему так и должно быть. Эти объяснения попадают в историю, становятся обычаями и законами. Чтобы занять выгодное место, надо понять условия игры. А чтобы удержаться — научиться пользоваться исключениями.

Мне помогли случай и удача. Я рос обычным мальчишкой в семье, которая не могла обеспечить блестящее будущее. Зато мечтал о подвигах героев и полководцев, побеждавших в проигранных сражениях. В комнате стояли жёсткая деревянная кровать, стол для уроков и стул с высокой спинкой. Стол куда чаще пустовал: стоило закончиться занятиям, меня уже тянуло на улицу.

Стены закрывали плакаты актёров, спортсменов и музыкантов. Это было святилище моих кумиров. Каждый день с друзьями казался приключением. Забраться в чужой сад за фруктами — почти военный поход. И почему-то ворованные плоды были слаще тех, что нам давали дома.

После прогулок каждый тащил из дома что-нибудь съестное. Мы усаживались в прохладной траве под деревьями, раскладывали принесённое — и простая еда преображалась. Подсохший хлеб с маслом и чесноком становился деликатесом, хлеб с сахаром — десертом, какого не сделает ни один кондитер. Поодиночке дома мы съели бы то же самое и не заметили.

Пили прохладный чай из кувшина, накрытого марлей и перевязанного бечёвкой, или молоко из бидона. Над губами оставались белые полосы. Свежую буханку разворачивали из платка и разламывали руками; от хрустящей корки летели крошки. Каждый тянулся за новым куском. Никогда потом даже изысканная еда не казалась мне такой вкусной.

Сумерки заставляли нас врасплох. У костра тени деревьев вытягивались по неровной земле, превращались в зверей, прятались в кустах и снова выползали к ногам. Мы следили за ними, подстёгивая друг другу воображение. Потом приходили прохлада, звёзды, редкие птичьи крики и собачий лай. Сквозь всё это разносился голос чьей-нибудь матери, звавшей домой.

Мы разбегались к освещённым окнам. Из свободной ночной прохлады я попадал в густое домашнее тепло. На кухне готовился ужин. Материнская забота ощущалась ещё до того, как я видел её саму.

Узорчатые занавески, пёстрый ковёр, разноцветные полотенца у раковины — всё дышало чистотой. Запах поле-

вых цветов смешивался с жареным луком и беконом. На моих глазах мать добавляла в сковороду сливки, оставляла соус томиться и отправляла меня умываться. Тарелку горячей пасты я получал, только смыв накопившуюся за день грязь.

Под лампой с абажуром мать сидела рядом и внимательно рассматривала моё загорелое, обветренное лицо. После целого дня на улице её карбонара казалась лучшей едой на свете. Потом я ложился в свежую постель. Она поправляла одеяло натруженными руками и целовала меня на ночь. Утром солнце пробиралось в комнату, а с кухни уже тянуло завтраком. Я вскакивал, оставляя скомканное бельё, — опять хотелось скорее жить.

На сковороде шипели яйца с беконом. Я макал чиабатту в мягкий желток, торопливо ел и прислушивался к голосам за окном. Друзья уже звали меня.

Допивал чёрный кофе, получал поцелуй в макушку и убегал к друзьям. Мать была мягкой, но решительной. Она не изводила меня уроками, спокойно принимала любую отметку. С виду — почти безразлично. А мне хотелось привлечь её внимание хорошей учёбой. Только спустя много лет я понял, как действовало это доверие: принуждения не было, а порадовать её хотелось сильнее, чем избежать наказания.

Невысокая, стройная, обаятельная, она умела располагать к себе людей. Твёрдо держалась своих убеждений и при этом сохраняла доброжелательность. Я изрядно трепал ей нервы. Тогда её спокойствие казалось естественным; позже стал по-

нимать, сколько выстраданного знания жизни за ним скрывалось. О многом, что ей довелось пережить, она со мной не говорила. При всей житейской мудрости в ней оставалось что-то девчоночье, вольное. Такой я её и помню.

Впрочем, учёба чаще проигрывала улице. Драки с ребятами из соседних кварталов были обычным делом. Больше всего нас тянуло к старшим: мы перенимали каждое слово, шаг, деталь одежды. Достаточно было их одобрения, чтобы собственный поступок показался правильным. Казалось, другого способа повзрослеть не существует.

Я не отличался силой и хотел освоить единоборства. Научиться защищаться, заставить других считаться со мной, придать телу ту стройность, которой завидовал у спортсменов.

Зашумела кофемашина. Альбини прервал запись и посмотрел за окно: солнце почти коснулось горизонта.

Золотая дорожка на волнах тянулась к самому берегу. Пауло ещё немного постоял у стекла, затем выпил приготовленный кофе и направился в спальню.

Светонепроницаемое полотно на окнах разошлось. В комнату хлынул оранжевый свет. За панорамными стёклами открывались море, лесистый берег и горы.

Миновав безукоризненно заправленную кровать, он открыл скрытый в стене гардероб. Переоделся в спортивный костюм, надел кроссовки и вышел. Морской воздух смешивался с запахом хвои и влажной листвы.

Размялся в саду, среди миниатюрных секвой и сакур, и побежал по лесной тропе. Она то скрывалась в зарослях, то выходила над крутым берегом, о который бились волны. Ровный бег успокаивал. Примерно через час тропа привела его к дому.

В спортивном зале Альбини закончил тренировку. Отправил одежду в стирку, принял душ и переоделся в майку и шорты. Когда вернулся в кабинет, за окном уже стемнело.

Он достал из скрытого холодильника холодную бутылку, сделал несколько жадных глотков и сел. По стеклу потекли капли. На море вместо солнечной дорожки лежала лунная.

Склоны потемнели, лес слился в сплошную тень. Под серебристым небом всё казалось незнакомым. Пауло откинулся в кресле и снова включил диктофон.

Глава 2. Старшие

Кем бы я стал, родившись в другой семье, стране, в другое время? Что осталось бы от моих убеждений? Может, я лечил бы людей, строил дома или писал книги. А может, с рассвета пас скот и целыми днями возился с хозяйством среди многочисленной родни. Или унаследовал бы императорский титул.

Сын правителя с детства привыкает к вниманию, роскоши, исполнению желаний. Ему не приходится пробиваться так, как пришлось мне. Но я родился там, где родился. Родители дали мне внешность и характер, а среда научила, как ими пользоваться. Кумиры, правители, их политика и достижения моего времени направляли мои желания.

В Древнем Риме я, вероятно, мечтал бы стать легионером или сенатором; среди кочевников — наездником и вождём. Но мои первые уроки власти проходили во дворе. Большинство подчинялось агрессивному меньшинству. Самый сообразительный собирал вокруг себя сильных ребят. За долю добычи они выполняли его приказы и отбирали её у тех, кто не мог дать отпор.

Такие компании держали остальных в страхе и считались только с равными по силе. Каждому находилось место. Не желал принимать правила — становился изгоем. Хочешь остаться среди своих — доказывай полезность: унижай сла-

бого, приносит что-нибудь старшим, выполняй поручения. Одного желания принадлежать к компании было мало.

Любимца в любой момент могли осмеять и выгнать, стоило оступиться или не внести положенную долю. Позже я узнавал ту же лестницу в армии и мафии: главари, командиры, капитаны, рядовые. Верхушка держалась на большинстве, которому доставалось меньше всех. Подчинение поддерживали насилием и надеждой подняться выше.

Страх потерять место и соблазн будущих выгод работали вместе. Повзрослев, я стал видеть эту схему и в государственном устройстве. Менялись названия должностей, способы получить власть, обещания и угрозы. Привычка людей подчиняться оставалась. Я считал её древнее любого закона.

Внизу дрались за крохи со стола. Наверху получали выгоду от этой драки. Мне не хотелось навсегда остаться среди первых.

Я начал прикидывать, какое место смогу занять: с моим телосложением, характером, достатком, связями и удачей. Старшие привлекали свободой. Им уже были доступны алкоголь, табак, отношения, на которые мы смотрели с завистью. Хотелось получить то же и при этом не растерять то, что я считал важным в себе. Общение с ними дало мне язык, манеры и привычки, из которых я постепенно собирал собственный образ.

За свои убеждения я платил ссадинами и синяками. Оскорбление требовало ответа, иначе, казалось мне, потеря-

ешь уважение. Но постепенно я обнаружил: многие вопросы выгоднее решать разговором. Поймать на противоречии, показать ложь, заставить признать, что человек не знает предмета спора. Если же собеседник упорствовал, я охотно заключал, что он сам доведёт себя до беды.

Иногда так и случалось — уже без моего участия. Среди уличных компаний за мной закрепилось прозвище Арбитр. Оно осталось на всю жизнь. Я видел и другое: большая часть дворового «криминала» была подражанием кино. Настоящие преступники пользовались этой игрой. Давали ребятам мелкие поручения, втягивали в кражи, сбыт запрещённых веществ, поддерживали романтику воровской жизни.

Для взрослых банд это был неиссякаемый резерв. Обещание подняться выше действовало наравне с угрозой расправы. Наказывали и за проступок, и для примера. Мы же видели свободу, запретную красивую жизнь — цену замечали позже.

Некоторые знакомые соглашались на первые условия ради пустых обещаний и быстро попадали в зависимость от мелких уголовных начальников. Одни закончили в тюрьме, другие на кладбище. Жизнь, от которой они бежали как от скучной и бесперспективной, потом казалась недостижимой. Я тоже участвовал в том, что называл безобидными шалостями.

Ночью мы дрались за территории, избивали тех, кто слу-

чайно забредал «не туда». Я уже понимал пользу ума, но видел, чего добиваются подготовленные бойцы, и пошёл на бокс. Тренировки дали мне удар, дисциплину и распорядок дня. Всё это не раз выручало — иногда ценой чужого здоровья.

Тренер повторял: «Упорство не должно становиться глупым упрямством». Если приём не работает, меняй тактику. В спорте я научился не только терпеть, но и отказываться от бесполезного усилия. Позже этот урок пригодился за пределами ринга.

Помню тесные душевные раздевалки, облупившиеся стены, потрёпанные груши и перчатки. Тренажёров не хватало, работали с мешками и подручными тяжестями. Уходили с ноющими мышцами и ощущением, что день прожит не зря.

Спарринги с другими клубами готовили нас к городским и национальным соревнованиям. Дальше мерещились Европа и мир. Мы смотрели на Рокки Марчиано: обычный человек мог прославиться благодаря труду. Но улица всё ещё манила. Я не выбрал ни серьёзную учёбу, ни спортивную карьеру. Криминал своим будущим тоже не считал. Так и ушёл в армию.

Глава 3. Голос

Сигнал будильника оборвал воспоминания. Приближалась полночь. Завтра предстояло встретиться с боссами подконтрольных кланов. Их интересы простирались от банков, нефтехимии и азартных игр до проституции, торговли людьми и краденым.

Альбини выключил диктофон, поднялся и подошёл к стеклу. Женский голос спросил, открыть ли окна.

Он согласился. В кабинет ворвались шум прибоя и свежий ветер. Далеко в море вспыхивала молния. Гроза могла прийти и до дома. Альбини неожиданно подумал о дурном предзнаменовании и напрягся.

Он перебрал последние решения. Лишь несколько могли вызвать серьёзный ответ, но к нему он готовился заранее. Привычка ждать неприятностей спасала жизнь. И всё же предусмотреть всё не удавалось. Слишком часто он видел, как случай возносит ничем не примечательного человека выше тех, кто, казалось бы, заслуживал большего.

Когда-то Альбини выбрал для себя правило: «Делай, что должен, и будь что будет». Он понимал его как обязанность действовать достойно, оставляя место случаю. Сейчас тревожиться впустую не хотел: пережитое научило беречь силы.

Окна закрылись за его спиной, свет в кабинете погас. По дороге в спальню загорались следующие комнаты. Его со-

проводил голос домашнего искусственного интеллекта — помощнице специально дали голос давно умершей матери. В спальне Пауло ждала молодая женщина. На вопрос, нужно ли что-нибудь ещё, он ответил отказом.

В красноватом полумраке она спала, раскинув по подушке чёрные волосы. Альбини лёг рядом.

Он разбудил её прикосновением. Когда она открыла глаза, провёл ладонью по щеке.

Позже Пауло поднялся, оставив спутницу в постели. Взял из холодильника газировку, закурил и попросил:

— Мелони, приоткрой окно.

Полотно отъехало в сторону, впуская ночной ветер.

Он вышел на балкон и ступил на коротко подстриженный газон. Внизу голубым стеклом сиял бассейн. Альбини пил холодную газировку, курил и смотрел на уснувшее поместье.

Когда вернулся, женщины уже не было. Мелони сообщила, что она в душе, и назвала время. Пауло ушёл спать в другую комнату. Утром его поднял будильник. Окна распахнулись, и он, как обычно, отправился на пробежку. После душа пошёл готовить завтрак.

На просторной кухне он нарезал овощи для салата, заправил их своим майонезом и поджарил бекон.

Разбил на сковороду яйца. Ел, макал хлеб в желток, — совсем как в детстве. Потом доел салат, убрал посуду и вытер плиту.

Кофемашина приготовила капучино. Альбини поднёс

чашку к лицу и задержался над знакомым запахом.

Глава 4. Альденте

У кухонного окна он допивал кофе, глядя в сад, когда Мелони сообщила о приближении кортежа. Пауло велел пропустить гостей и поднялся в гардеробную.

С помощью Мелони выбрал одежду. Автоматика подала белую сорочку, тёмно-синий костюм, карамельный жилет и туфли. Красный галстук и золотые запонки завершили наряд. Внизу уже ждали трое в чёрном.

Двое телохранителей стояли позади Марио, консьюеры по прозвищу Альденте. Худой, бледный, с цепкими карими глазами, тот терялся на их фоне. Перед любым решением Марио предпочитал «попробовать на зуб»: сначала сам, затем через других проверял дело и только потом принимал его целиком. Так и получил прозвище.

При появлении босса мужчины склонили головы, приложив ладонь к сердцу. Альденте удостоился протянутой руки и изобразил почтительный поцелуй. Остальные лишь последовали за ними. Во дворе стояли шесть чёрных машин. Охрана вытянулась, водитель открыл дверь.

Пауло и Марио устроились сзади. Машину предоставила одна из фирм картеля, через которые шла его легальная деятельность. Кортеж тронулся. Некоторое время Альбини слушал «Весну» Вивальди из «Времён года». Затем дал консьюеры знак начинать.

Не убавляя музыку, Альденте наклонился к нему и заговорил вполголоса. Все направления приносили доход. Пауло слушал и вспоминал первую общую сходку: тогда крупнейшие кланы согласились объединить силы. Вместо разрозненных групп возник картель под его руководством.

Для внешнего мира он стал консорциумом с головным холдингом. Главы внесли предприятия в общий капитал и получили равные доли; увеличение числа акций требовало общего согласия. Войны за сферы влияния мешали доходам. Теперь деньги и силовые возможности можно было направлять сообща, приобретать предприятия за рубежом и рассчитывать на прибыль, недоступную каждому по отдельности.

Размышлять о пройденном пути Альбини решил после встречи. В салоне Вивальди сменился Бетховеном, затем Моцартом. Привычка к тайным разговорам сохранилась и теперь, когда, по убеждению Пауло, верхушка власти, партии и силовые структуры уже зависели от картеля.

Альденте разделил предприятия на группы: устойчиво растущие; прибыльные, но нуждающиеся в помощи; и те, что жили на запасе прежних успехов. По каждой называл проблемы и предлагал решения.

Где-то требовались юристы, финансисты или учёные. В других случаях приглашали людей, чьи имена не попадали в отчёты. Одни находили возможности в законах и объединяли предприятия. Другие добивались того, чего законный

договор не давал.

Успешный предприниматель, прежде не желавший делиться, после такого разговора вдруг решал продать «надоевшее» дело по сходной цене. Пауло привычным жестом показал, что доволен. Остаток пути они провели молча. Кортёж приближался к Риму.

Альбини любил этот город — и его прошлое, которым привык мерить собственные замыслы.

Нравились тесные улицы, разговоры из окна в окно, столики кафе у самых стен. Здесь можно было утром съесть знакомую с детства карбонару и выпить кофе, наблюдая за туристами.

Вечером он любил слушать, как перебравшие вина местные поют старые песни. Теперь на въезде их встретила полиция. Под мигалками кортеж направился к резиденции картеля — старинному палаццо.

Машины заняли почти всю сторону улицы. Охрана высыпала наружу, создавая вокруг босса привычный заслон. Альбини знал цену этой защите. От случайного нападавшего она спасала; перед хорошо подготовленным покушением могла оказаться бесполезной.

Под ренессансным фасадом раскрылись вишнёвые деревянные двери с рельефами и бронзой. Красная дорожка вела в холл. Среди картин Караваджо и белых статуй роскошь неожиданно сочеталась со сдержанностью, которую Пауло любил в восточном искусстве.

Он сам участвовал в оформлении. Интересы Альбини простирались от истории и поэзии до биологии; каждому увлечению находилось применение. На тёмно-красных стенах картины чередовались с белым мрамором.

Паркетные узоры отражали свет восьмигранных фонарей. Широкая парадная лестница расходилась над холлом в две стороны. Лифтом Пауло не воспользовался — поднялся сам. На верхнем этаже его ждали главы кланов.

Глава 5. Двенадцать

Каждый босс входил в правление холдинга и отвечал за несколько направлений. Антонио Форалдо, сухой, скуластый человек с тонкими губами и тёмными глазами, руководил внутренней безопасностью. Решения принимал после долгого взвешивания, исполнял беспощадно.

В его распоряжении были агентура и лучшие убийцы картеля. Он умел устранять людей так, чтобы смерть не выглядела расправой. О пропавших подчинённых спокойно сообщал: отправились в долгий отпуск, навестить предков.

Никто не знал, насколько своим положением Форалдо обязан Пауло. Тот считал его надёжной опорой. При входе Альбини боссы поднялись из-за круглого стола. Консильери остались позади патронов, склонив головы и прижав правую руку к груди.

На тёмно-синих стенах золотом выделялся знак картеля. Двенадцать символов кланов — роза с шипами, лилия, стилет и другие — соединялись окровавленной золотой цепью. Достаток, единство и преступная связь. За её разрыв платили жизнью, иногда жизнью близких.

Над столом сиял потолок со сценами римского прошлого, папской власти и Возрождения. Пауло давно перестал задерживать на нём взгляд.

Все двенадцать кланов были представлены. Альбини

всматривался в лица людей, с которыми создал этот союз. За каждым стояли собственные интересы, сила и память о прежних обидах.

Он занял председательское место. Боссы сели, их советники остались стоять. Альденте объявил заседание Совета картеля Двенадцати открытым. Пауло поблагодарил собравшихся, пожелал терпения и небесного озарения при решении вопросов.

После одобрительных кивков Марио перешёл к докладу. Снова перечислил достижения и потери, но теперь называл предприятия и ответственных за каждую прореху. Предстояло решить, кого поддержать, кого заменить, кого наказать.

Доклад всем разослали заранее. Лишь иногда поднятая бровь или едва заметная усмешка выдавали реакцию на шёпот консильери. Когда Альденте закончил, слово по старшинству получил Франциско Борджио.

Вислоухий, глава Незаметных, был уже глубоким стариком: согнутая спина, скрюченные пальцы, мутные глаза. Говорил тихо и неторопливо. Отдав положенную хвалу собранию и Альбини, попросил ещё раз взвесить решения о наказаниях и новых предприятиях.

Закончив, он замер, словно задремал. Его клан предпочитал оставаться в тени. В молодости Борджио крал из карманов и богатых квартир. Однажды среди добычи оказался секретный документ. За возвращение бумаги заплатили больше, чем стоило всё остальное.

С тех пор он сосредоточился на чужих тайнах. Шантаж и продажа сведений приносили доход; в картеле к этому добавились корпоративные секреты, полезные и для торговли, и для собственных решений.

Прежде его теснили конкуренты и власти. Союз дал защиту и многократно увеличил заработок. За это пришлось уступить часть свободы и дохода, но Борджио о выборе не жалел. Следом слово получил Леонардо Арнальди.

Глава Толковых, прозванный Отчаянным, был нескладен: большая голова, борцовские уши, короткие ноги, длинные руки и тяжёлый живот. При этом двигался на удивление проворно. Вспыльчивость угадывалась даже в его старательно сдержанной речи.

Поблагодарив Альбини и отдав должное словам Борджио, он потребовал беспощадного наказания виновных. Оно должно было стать уроком остальным. Полезных же людей предлагал возвысить и озолотить. Меры Леонардо не знал ни в том, ни в другом.

Крайности не раз едва не стоили ему жизни. Выручала удача — та же, что когда-то свела его с Пауло. При вспыльчивом нраве Арнальди обладал гибким умом. Его делом были не столько уличные поборы, сколько скрытые хищения из организаций.

Он умел заводить знакомства среди обиженных и недооценённых сотрудников, выяснять слабые места предприятия. Прежде подделывал документы, затем быстро освоил

вычислительную технику.

Вокруг него собралась сеть способных людей, которым прежние хозяева не находили достойного применения. Отсюда и название — Толковые. Картель дал этой сети защиту и возможности, которых она не могла получить самостоятельно.

Затем заговорил Джузеппе Гарибальди, глава Отчаянных по прозвищу Похотливый. Он любил торжественные обороты и смаковал слова, будто пробовал деликатес. Низкий рост никогда не мешал ему смотреть на окружающих свысока.

С детства ему доставались насмешки и побои. Он научился скрывать обиду, а затем — отвечать. Чужую растерянность терпел плохо: когда внешне крепкий человек сдавался, Гарибальди видел в этом прежде всего слабование.

Он развивал память, речь и умение писать. Любил сравнивать себя с медоедом: малый рост не мешает яростно защищаться. В драке брал тем, что оказывалось под рукой, напором и внезапностью. Но удачное нападение ценил не выше вовремя проявленной осторожности.

Добившись влияния, предпочёл управлять из тени. Окружающих называл плебеями. Деньги и положение принесли женское внимание, которого он прежде был лишён. Похотливым его назвали не зря. Отношения стали для него и удовольствием, и отдельным источником дохода.

Гарибальди любил рассуждать о своей любви к женщинам. Одни давали ему ласку, другие заботились о нём, третьи

добывали сведения или помогали управлять мужчинами. В этом признании чувство легко превращалось в перечень полезных услуг.

С картелем его дело выросло в сеть борделей, клубов, салонов и торговли интимными товарами. Затем к ней присоединились салоны красоты и другие предприятия индустрии ухода за собой. Защита общего союза позволяла расширяться.

В вопросе наказаний Гарибальди расходился с Арнальди. Несоразмерная кара, говорил он, заставляет людей скрывать промахи и подставлять подчинённых. Расправляться предлагал тихо, замаскировав случившееся, а награждать — на виду, чтобы остальные стремились повторить успех.

Он не ждал, что любое начинание принесёт прибыль. В его расчётах треть давала результат, треть — ничего, остальное оборачивалось убытком. Такую долю неудач Гарибальди считал неизбежной. Допив эспрессо, он уступил слово Микке да Винчи.

Высокий, широкоплечий, обаятельный, тот был душой компании. Даже после долгой жизни в его смехе оставалось что-то детское.

Хилым и долговязым мальчиком он когда-то взялся за тренировки — и не бросил их. Насмешки и угрозы редко выводили его из себя. Микка отвечал колкостью, смеялся вместе со всеми. Прозвище Остряк подходило ему.

Его отец, военный, с детства установил дома строгий рас-

порядок: ранний подъём, холодная вода, упражнения, учёба, работа по хозяйству. Сыну предстояло служить. Микку тянуло к творчеству, но ни он, ни мать не решались перечить.

В училище он ещё больше отдалился от родителей. Отец считал ласку слабостью, мать боялась показать чувства. Муштра научила Микку прятать ранимость, укрепила тело и познакомила с устройством жёсткой иерархии.

Он увидел её неповоротливость и самодурство начальников, но оценил и силу дисциплины. Понял также, что продвижение зависит не только от заслуг: существовал «материальный подход». Получив хорошую рекомендацию, Микка оказался сержантом в части, где познакомился с будущим главой картеля. Их дружба выдержала годы и общие испытания.

Сбыт списанного имущества начался у них ещё в части. Позже, закрепившись в преступном мире, Пауло возобновил сотрудничество с Миккой. Тот разочаровался в службе, хотя успел продвинуться. Армейские связи позволяли расширять дело, а совместные столкновения с соперниками и полицией укрепляли доверие.

Собранный капитал помог Пауло превратить свою группу в устойчивый клан. После создания общего союза он вверил Микке и его Смышлёным казну картеля.

Они продолжали работать с военными ведомствами — на снабжении, контрактах и списанном имуществе, — но главным стал контроль финансов. В консорциуме появилась об-

щая система юридического сопровождения и аудита с отделениями во всех подразделениях.

Доклад Альденте опирался прежде всего на данные да Винчи и Форалдо. Теперь Микеланджело — для своих Микка — объяснял их лично. Казначей и аудитор говорил спокойно, без привычного остроумия.

Он различал потери от глупости руководителя, самоуверенности, перемен рынка и действий конкурента. Успех тоже бывал разным: продуманная работа или удачное стечение обстоятельств. Вознаграждение и наказание, считал Микка, следовало соотносить с причиной.

Следующим выступал Донателло Браско, Донни, глава Помешанных. Его прозвали Психом за вспышки ярости. Начав с торжественной благодарности Пауло и Совету, он с трудом скрывал нетерпение.

Донни вырос среди родительского пьянства, наркотиков и постоянных чужих людей. За тяжёлые черты лица его дразнили и били. Он рано привык не ждать сочувствия — и сам редко проявлял его. Одурманивающие вещества вошли в жизнь так же обыденно, как всё остальное в доме.

Жильё разваливалось: со стен свисали лоскуты обоев, мебель состояла из плохо скреплённых обломков. Дурман ненадолго позволял забыться. Потом забытьё стало разрушать его самого: тело слабело, мысли путались, прежние средства уже не давали покоя.

Он обратился к единственному человеку, которому бы-

ла небезразлична его судьба, — местному священнику. Тот приютил Донни в приходе, помог отдалиться от прежнего круга и пережить мучительный отказ от веществ. Донни впервые получил заботу, которой не знал дома. Память о пережитом надолго отбила желание терять ясность рассудка.

Судьбы прежних приятелей укрепили решение Донни: одни умерли, другие доживали в нищете. У немецкого священника Альбрехта Дюрера он обрёл дом и человека, которого считал отцом. Решил посвятить себя вере, помогал в приходе и постепенно учился служению.

Когда Альбрехт состарился, Донни продолжил его дело. После смерти наставника оказался один перед церковной иерархией, о которой прежде почти не думал. Добросовестная работа принесла продвижение. Новый пост позволил перебраться в большой город.

Там он увидел знакомое сочетание ограничений и привилегий. Одни строго соблюдали обеты, другие заботились о видимости. Донни учился, привлекал пожертвования, устраивал приход. Доход рос, часть уходила наверх; начальство замечало усердие.

Однако вскоре Браско ощутил предел: высшие места берегли для людей с происхождением и деньгами. Его оставляли удобной рабочей лошадкой. Это возмущало сильнее, чем сами запреты. Тогда он встретил Альбини — уже влиятельного, но ещё не всесильного. Вместе они нашли способы преодолеть преграды: подкуп, обещания, угрозы и насилие.

При помощи Пауло Донни стал кардиналом. Совместные предприятия снабжали приходы, печатали религиозную литературу, ремонтировали храмы. Те же международные связи служили перевозке запрещённых товаров. Картель финансировал приюты и центры помощи зависимым. Браско совмещал эту работу с участием в преступном союзе.

Его приверженцев прозвали Помешанными за религиозное рвение. Теперь кардинальское облачение выделялось среди деловых костюмов. Благословив собрание, Донни напомнил о всепрощении — и предложил изгнать из братства особо провинившихся «еретиков». За полезных членов союза он помолился, попросив достатка и благоденствия.

Слово получил Фредерико Боттичелли, Фреди, глава Отверженных. Прозвище Утроба объяснялось просто: он ел почти всегда. Для его грузного тела установили особое кресло. Небольшое лицо оставалось подвижным; прищуренные глаза внимательно следили за собравшимися.

Он начал с обычных благодарностей. Альбини помнил рассказы о его приютском детстве. Сироту считали слабым, травили, пока однажды не загнали в угол. Тогда Фреди впервые набросился на обидчиков и заставил их отступить.

Победа изменила его положение. Он собрал вокруг себя уличных ребят; те приносили еду и вещи, добытые попрошайничеством и воровством. Компания росла, занимала новые улицы, переходила к кражам и мошенничеству. Фреди больше не желал испытывать голод.

Повзрослев, Отверженные занялись торговлей людьми, подделками и преступным изъятием органов у тех, кого некому было искать. Картель заметил их и предложил сотрудничество. В рядах Фреди были бездомные, сироты, зависимые, люди, выпавшие из обычной жизни. Он пользовался чужой уязвимостью так же деловито, как когда-то другие пользовались его собственной.

Его люди видели почти всё, что происходило на улицах. Через знакомых полицейских и мелких служащих решали вопросы, на которые иначе понадобились бы время и деньги. Годы этой работы сделали Фреди равнодушным к чужому несчастью.

Верность союзу держалась на выгоде и страхе возмездия. Сейчас он говорил сухо: в ряде случаев руководители потеряли деньги из-за собственных увлечений — алкоголя, наркотиков, отношений. В одном деле подвела безответная любовь. Противопоставлял этому расчёт и холодную голову.

После него выступил Витто Скорсени, Яркий, глава Пёстрых. Его певучая речь изобиловала хвалебными оборотами. Высокий, светловолосый, с голубыми глазами и красивым лицом, он с детства жил в родовом поместье среди роскоши.

Роскошь не заменяла близости. Вечно занятые родители оставляли его среди прислуги и людей, искавших семейных денег. Он замкнулся в игрушках и выдуманных мирах. После привилегированных школы и колледжа отказался от университета и ушёл в зрелищную индустрию. Тогда же осознал

влечение к мужчинам.

Витто хотел доказать, что способен на что-то сам. Он прошёл разные ступени кино- и шоуиндустрии, вышел на театральную сцену. Талант, внешность, опыт, удача и известная фамилия действовали вместе. Публика заполняла залы. Затем пришла главная роль в дорогом фильме — и широкая слава.

С возрастом Скорсени занялся продюсированием, искал актёров, музыкантов, писателей, ставил спектакли и фильмы. После смерти родителей унаследовал состояние, семейное дело и связи. Но и этого оказалось недостаточно для свободного доступа к рынку, который уже поделили крупные холдинги.

Чужие кинотеатры закрывали дорогу картинам, зависящие критики портили репутацию. Тогда Витто встретил Альбини, искавшего новое направление для вложений. Под давлением картеля несколько холдингов потеряли позиции и в итоге вошли в его консорциум.

Так возник клан Пёстрых — союз людей разных профессий, вкусов и ориентаций. Сам Витто оставался его лучшей вывеской: изысканный костюм, лёгкий шарф, платок в кармане, бутоньерка. Яркость без показной тяжеловесности.

Он руководил студиями, театрами, рекламой, издательствами и вещательными компаниями. К ним добавились конкурсы красоты и агентства. В наказаниях Скорсени предпочитал обходиться без крови: профессионал, допущенный

к работе самим Советом, заслуживал возможности исправить ошибку.

Выбрав такого человека, говорил он, руководство тоже принимает ответственность. Нельзя объявить неудачника единственным виновным, если назначали его все вместе. С поощрениями рассуждал так же: обычный успех означает, что сотрудник оправдал доверие, а начальство верно его выбрало. Заслуга общая.

Особой награды, по мнению Витто, заслуживали те, кто продуманно рискнул за пределами обычных обязанностей и принёс прибыль.

После него заговорил Рафаэлло Джованьели, Длиннорукый, глава Непримиримых. Он сидел, сцепив большие ладони перед лицом. Из-за пальцев внимательно смотрели чёрные глаза.

Высокий, с длинными конечностями, коротко стриженными сидящими волосами и угрюмым лицом, Рафаэлло говорил скрипуче, выделяя каждое важное слово. Похвала Совету была обстоятельной, но без увлечения. Его занимали детали доклада.

Педантичность стала его репутацией. Прежде чем начинать новое предприятие, картель поручал Джованьели разобрать его по мелочам.

Он следил за новшествами и рынками, находил перспективные направления. Для освоения задействовали всё, чем располагал союз: связи с политиками, нужные публикации,

подконтрольные общественные организации, а при необходимости шантаж и силу. Руки Джованьели дотягивались далеко.

Его людей прозвали Непримируемыми за упорство в поисках дохода и средствах его получения. Под их контролем оставался игорный бизнес — прибыльный, но трудный для проверки. Соблазн присвоить часть общей выручки не стоил человеку жизни.

Казино, букмекеры, игровые площадки в сети соседствовали с биржевыми конторами, обменниками, ломбардами и сбытом краденого. Джованьели помогало чутьё: он улавливал подвох и скрытое намерение прежде, чем находил им объяснение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.